

Александр Эртель

Иностранец Липатка и помещик Гуделкин

Александр Иванович Эртель Иностранец Липатка и помещик Гуделкин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661805

А. И. Эртель. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«Лицо Липатки... носило заграничный отпечаток. В нем как-то странно соединились: английское высокомерие, французская бородка и немецкий стеклянный взгляд... Русское же происхождение отозвалось только толстым и добродушным носом, напоминавшим луковицу. А щеки казались искусственно вздутыми, так они были пухлы...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Александр Иванович Эртель Иностранец Липатка и помещик Гуделкин

Прекрасной души человек был Иринея Гуделкин! Великолепнейшие чувства непрерывно питал он! Великодушнейшее имел он сердце! И, ко всему к этому, благоговел перед всем прекрасным. Так, например, цвета он уважал не иначе как нежнейшие. Если на нем были панталоны, — они поражали своим палевым отливом; ежели красовался галстук, — он мерцал подобно слабому отблеску поздней зари; сюртучок — отливал искрой по светлому полю. Да и все, что окружало Иринея Гуделкина, носило на себе отпечаток какой-то кроткой и меланхолической изящности. Его домик на манер швейцарского шале с одной стороны и рейнского замка с другой; его миниатюрные конюшенки и оранжерейки, подобные картинкам на лакированных китайских подносиках; его причудливая мебель, драпированная материей нежнейших рисунков; его затейливо исполосованный ножницами садик — все навевало какую-то сладкую негу и повергало вас в тихую и немного приторную истому.

И характер этой милой извращенности распространялся

даже на мужиков, работников Ириней. Все они, как на подбор, щеголяли в палевых и голубых рубашечках, лепетали расслабленными и нежными голосами и умывались чисто. Даже собаки в усадьбе Ириней брехали без присущей им грубости, а мягко и деликатно. Самый воздух, витавший над усадьбою, казалось, был переполнен сладостью и задушал ласковым своим благовонием.

Любил я посещать Ириней! Особенно хорошо бывало у него, когда грубая действительность уже чересчур дерзко и аляповато расшевелит твои нервы. Тогда раскрашенные построечки Иринеевой усадьбы, чистый, усыпанный песочком дворик, палевые рубашечки и благоприятные лица рабочих, яркое озеро среди сада и ярко раскрашенный на нем ялик повергали вашу душу в неизъяснимую теплоту. И теплоту эту усугублял сам хозяин. Чистенький, светленький, кроткий, он, блистая свежестью белья и, костюма, сверкая золотом запонок и шикарной цепочки, благоухая тончайшими духами и свежей розой, вдетой в петличку, ласково произносил умиротворяющие речи, мягко и красиво связывал изящные фразы, тихо и плавно лепетал о поэзии, о любви, об искусстве, – о бедрах Венеры Милосской и о лядвиях Бельведерского Аполлона... И душа ваша, истерзанная жестокой суетою, умиротворялась, согревалась, успокаивалась под наитием этой сладкозвучной атмосферы и в конце концов засыпала, как котенок в горячей печурке. Было хорошо, и приятно, и сладко.

Как вероятно и представил себе читатель, Ириней был чистоплотен. Ни как растет хлеб на его нивах, ни как пашут эти нивы и убирают их — он не знал. Для этого был у него человек, Макарыч, — честнейшее и глупейшее существо. Сам же Ириней вечно витал в мире изящнейших представлений и фантастичнейших построек. Чистоплотен он был даже до того, что своими на диво выхоленными руками не прикасался ни к кредиткам, ни к иным каким-либо денежным знакам. Это было дело Макарыча. Ириней же читал книжки, перелистывал кипсэки, перебирал портфели с гравюрами, вел деликатнейшую переписку с двумя или тремя друзьями, людьми высокопоставленными в художественном мире, делал от времени до времени экскурсии в места, известные своею живописностью, и каждый двенадесятый праздник (о наступлении которого докладывал ему Макарыч) устраивал пиршество своей деревне, причем всегда, с лорнеткой в одной руке и с розаном в другой, лебезил около живописных крестьянок.

В нашем краю у Гуделкина не много было знакомых. Соседи по большей части не соответствовали его идеальным представлениям, ибо чересчур уже блистали отсутствием манер. И он был одинок.

Благодаря ли этому, но однажды в его поведении проявилась странность. Явное беспокойство проявилось в его характере. Поступки потеряли свойство невозмутимости, художественное самообладание покинуло, его. Я, подобно

многим, стал было в тупик перед таким настроением Ириней, но случай все объяснил мне. Однажды вошел я в кабинет Гуделкина и не застал его. По столам и стульям были разбросаны листы. На каждом было начертано:

Россия погибает!!! Но отчего погибает, вот вопрос. –
От недостатка культуры-ссс!

Далее следовали точки.

Было ли то начало какого-либо глубокомысленнейшего трактата или праздное времяпрепровождение оставило здесь следы свои, но для меня стало ясным Иринеево поведение. Его заполонила гражданская скорбь.

Немного спустя он, однако, утешился. Было заметно, что русло им обретоно. И он величественно потек по этому руслу. Он, начал насаждать культуру. По-прежнему чуждаясь знакомств с людьми своего класса, он выказал настойчивое стремление к сближению с мужичками. Он перечитал всего Григоровича^[1] и вообще все то, что считал идущим к делу, и, во всеоружии проникновения, занялся простонародною душою. Он старательно доискивался в этой душе каких-то струн, которые именовал культурными, и с упорством будил в простолюдинах инстинкты, которые называл благородными инстинктами. Для этого он раздавал мужичкам гравюры иностранного изделия, наделял их цветочными семена-

^[1] Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) – русский писатель. В повестях «Деревня» (1846) и «Антон Горемыка» (1847) правдиво изобразил жизнь крепостных крестьян.

ми, выписал в местный трактир гармониста, изображавший арии из «Лучии Ламермурской»^[2], и вообще поощрял красоту во всех ее видах... И кроме всего этого, объявился филантропом. По-прежнему устранившись от сути хозяйства, он щедро расточал милости свои всем крестьянам околота. Он воздвиг больницу, нанял фельдшера, устроил школу, расширил размеры пиршеств, задаваемых крестьянам, ссужал их и хлебом, и деньгами, и лесом. И при всем этом соприкасался с мужиком лично. Он не упускал случая поговорить с лапотником о благодетельности культуры, причем иногда вводил этого лапотника даже в дом свой, где и обращал его внимание на удобство люстр и красоту обоев, заставлял его щупать корявыми пальцами шелковые драпри и тюлевые гардины, приглашал любоваться прелестной копией с Гольбейновой Мадонны^[3], и вообще поставляя ему на вид предпочтительность культуры над свинством и первобытностью. И мужики как бы сознавали прекраснодушие Ириней: не было пределов их почтительности и уважения к нему. У них даже выработался особый ритуал приветствий и чествований Иринеевой особы. Понятно, это умиляло великодушного Ириней и

[2] «Лучия Ламермурская» – «Лючия ди Ламмермур» (1835) – опера Гаэтано Доницетти (1797–1848), популярного итальянского оперного композитора. В 1859 году в роли Люции дебютировала А. Патти, знаменитая итальянская певица, выступавшая в Петербурге и в Москве.

[3] Гольбейнова Мадонна – картина «Мадонна бургомистра Мейера» (1525–1526), принадлежащая кисти Ганса Гольбейна Младшего (1497–1543), выдающегося живописца и графика эпохи Возрождения.

как нельзя более поощряло его к новым великодушнейшим поступкам.

Вот этот-то рьяный насадитель культуры подъехал однажды к крыльцу моего домика и, грациозно выскочив из прелестной венской колясочки, запряженной парочкой прекраснейших вороных лошадок, восторженно воскликнул:

– Новость! Новость! Новость!

И затем предложил мне немедленно одеваться и немедленно же сопутствовать ему.

– Но куда, Иринея Маркыч? – недоумевал я.

– И вы не знаете? О, неужели же вы не знаете, что новый, совершенно же новый человек объявился на Руси, и человек этот в десяти верстах от вашего хутора?!

– Да кто же такой?

– Чудо! Представьте себе: купец, а не рыгает; голову стрижет; чай кушает внакладку; сюртук, вообразите, из английской материи и сшит в Лондоне; говорит по-английски замечательно!..

– А, значит Липатка Чумаков приехал!

Иринея несколько оскорбился, но затем тотчас же и осклабился.

– Именно Липатка. И вообразите, как приличен, как умен, как дальновиден... Я в восторге! Представьте вы себе хитроумного великороссиянина в лондонском сыюте – ведь это шик, батюшка... И теперь у них в семье испытываешь чистейшее наслаждение. Главенствует, знаете ли, коренастая

эта фигура патриарха Праксел Алкидыча. Затем приличнейший иностранец Липатка, и потом уже великодушнейшая, широчайшая натура – это сын младший Сергей. Восторг что такое! Я их так и представляю: ум, воля и чувство. Европейский ум, руководимый железной волею и непрестанно смягчаемый чувством. Ах, одевайтесь же, и поедem!.. Вы знаете – в душе я художник и лентяй. Красота идол мой, и в этом отношении человек я античный... Но боже мой, воображение мое теперь переполнено предприятиями!.. И вы не догадываетесь, почему?.. О, ужели же вы не понимаете, – не хотите понять, – что Русь теперь спасена!..

– Но каким же образом, Ириной Маркыч?

Но он не ответил на мой вопрос. Преследуемый какой-то неотвязной мыслью, очевидно увлекавшей все его внимание, он в волнении бегал по комнате и, нетерпеливо натягивая перчатки восхитительного сиреневого цвета, говорил:

– О, вы не поверите, сколько грандиознейших проектов! Мы, совместно с фирмою «П. А. Чумаков и сыновья», совершенно преобразовываем Дмитришевку... Что значит Европа и что означает ум!.. Вы знаете меня, и, конечно, знаете, что никогда и ни на что не посягнул бы я ради выгоды. Утилитаризм мне претит. Но я побежден. Я побежден принципом. Липатка развернул передо мною вереницу принципов. Каждое предприятие, каждый проект, каждая затея коренятся у него на почве, и почва эта – культура... Культура-с! – вот оно, батюшка, словечко! – и он снова многозначительно

повторил: – культура! Ах, этим он меня совершенно, совершенно обворожил!.. – Одевайтесь же, едемте, послушаете... Вы знаете, до сих пор я думал, что я плохой патриот, но теперь я, наконец, чувствую в себе сердце гражданина: варварское тело матушки России обновлено теперь, и обновлено Липаткой... Предприятия! Предприятия!..

Наконец я оделся, и мы отправились к Чумаковым.

– О, я давно твердил: Европа, это все! – говорил по дороге Ириней, ни на минуту не устывая от своей восторженности. – Чем покори́л я сердца всех простолюдинов в округности, как не Европой, – ибо сознайтесь же, что филантропия продукт европейский и что гуманностью я обязан опять-таки одной только Европе. Ведь вы знаете, как крестьяне меня обожают. История Проспера и Калибана^{4} вечно повторяется. Я давно говорю: влейте в наши одряхлевшие жилы Европу, и мы спасены...

– Но народ устойчив в своей старине, – возразил я.

– О, пустое! – воскликнул Ириней. – Ведь я же убедил моих работников говорить друг другу «вы», ведь они же спят у меня на простынях, ведь мой староста Лука Петров развел же настурции в своем огороде... Э, батюшка, народ – это глыба, из которой мы, европейцы, вольны изваять Аполлона. И тем более наш народ! Ведь давно известно, что крестьянин наш чистейший космополит. Как он индифферентен к рели-

^{4} *Проспер и Калибан* – действующие лица «Бури» (1611), пьесы Вильяма Шекспира.

гии, как равнодушен к национальности и вместе склонен к восприятию чуждой культуры, – это давно доказано. И это трюизм, разумеется...

– Но трюизм ли?.. – попытался было я возразить, но Ириней был уже в полном экстазе: он отчаянно замахал руками и возвысил голос.

– И я, как чистый, как совершеннейший европеец, приветствую Липатку, кричал он, – приветствую потому, что в лице Липатки культура непосредственно соприкоснулась с народом... Купец тот же народ и посеет культурные свои свойства непременно в народе же...

– Но большого ли достоинства эти свойства?..

– О, я, конечно, вижу Липаткины недостатки, и я в свое время подавал проект... Липат односторонен, Липат позитивист, Липат прямолинеен. Я подавал проект: брать восьмилетних мальчиков и на государственный счет воспитывать их за границей: в Англии, в Германии, во Франции... Затем довершить воспитание художественной экскурсией по Италии, по музеям Дрездена, Мюнхена, Парижа, и человек, в истинном значении этого слова, готов. Человек европеец! – многозначительно воскликнул Ириней и многозначительно же поднял палец, а затем помолчал и с покорностью добавил: – но меня не послушали!

– Но это в сторону! – немного погодя с новой силой продолжал он. – Я все-таки, подобно еврею, одряхлевшему в

ожидании, приветствую Липатку: он мой мессия^[5]. Он провозвестник культуры на Руси, и это слишком много... Я в последние годы много думал о нашем положении. Я много думал и пришел к тому, что да, действительно мы погибаем... Но отчего погибаем, вот вопрос! – Ириной снова поднял палец.

– Отчего же? – спросил я.

– Погибаем мы от недостатка культуры-с, уважаемый мой. Наводните Россию культурой, и она спасена. По-моему, так: взять и все поколение воспитать за границей. И еще я думал устроить колонии. Среди крестьян, знаете, поселить англичан, немцев, ирландцев даже, и пускай они воздействуют. Вообразите пустыню и среди пустыни оазисы. Это, впрочем, все проекты. У меня очень много проектов...

– И вы подавали их?

– Меня не слушали. Но это ничего не значит: культура шестует! Что такое Липатка, позвольте вас спросить? Липатка – пророк. Липатка и сыют это знамение-с. Прибавьте к этому обширнейший ум, коммерческое образование... Я только теперь ведь понял, какой я в сущности пентюх... Спора нет, и моральное воздействие насаждает культуру, но путь-то этот путь медленный, быстрый же проводник культуры совсем не филантропия и не воздействие-с...

– Но что же, Ириной Маркыч?

^[5] *Мессия* – в иудаизме «спаситель», который якобы должен быть послан богом с целью уничтожения зла на земле.

Ириной таинственно улыбнулся.

– Предприятия, предприятия... – прошептал он, грациозно прикладывая палец к губам, но не утерпел и, серьезно сдвинув брови, добавил: – Мы заводим фабрику.

– Как фабрику?! Фабрику здесь, в Дмитришевке?!

Он ничего не ответил. Он только с видом торжества кивнул головою и заботливо стал застегивать пуговочку правой перчатки. Вдали показался и скоро вырос перед нами чумаковский хутор.

Чумаковский хутор изобличал в хозяине и образцового дельца и крупного капиталиста. Ничто не напоминало здесь каких-либо прихотей. Ни раскрашенных яликов на пруду, ни затейливых башенок и мезонинов, ни китайских беседок и романтических гротов вы бы не встретили тут. Но зато все, что вы видели, было крепко, хорошо, пригодно для хозяйственных целей. Два гумна с бесчисленными скирдами, подобно крыльям, облегли немногочисленные постройки. На каждом из этих гумен пытели паровики и многочисленные молотилки переполняли воздух тяжким стенанием. В длинном и превосходно выстроенном амбаре, с дверями, распахнутыми настежь, не прерывалась бесконечная вереница скрипучих возов. В стороне, под крепким и свеженьким тесовым навесом, словно артиллерийские орудия на смотре, вытянулись красивыми рядами жнейки, сеноворошилки и сеялки. Недалеко от пруда белелась, зияя редкими окнами, новая трехэтажная зерносушилка с целой системой дере-

вянных красных труб на железной крыше. Скотный двор, — здание тоже новенькое и, по-видимому, необычайной крепости, — занимал место за сушилкой. Флигель для рабочих, баня и кухня тоже отличались и новизною и солидностью. Но особенно щеголяли этим хозяйские дома. Их было два, и отделялись они друг от друга узеньким, но чрезвычайно светлым и чистым прудом. Оба были из стройного соснового леса. Их недавно выкрашенные кровли ярко и приветливо зеленели издалека. И оба домика издали чрезвычайно походили друг на друга. Но приближаясь к ним, вы замечали различие. Один отличался целомудреннейшей первобытностью и даже не имел навеса над простыми сосновыми дверями, другой, не говоря уже о навесе, бил в глаза положительным европеизмом. На гладко отполированных дверях его сверкала медная доска с именем владельца. Из притолки скромно выглядывала перламутровая пуговочка электрического звонка. Сквозь зеркальные стекла окон прихотливо извивались ветви дорогих тропических растений и пышные гардины красиво распростирали искусно драпированные складки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания